

О мерте,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ТВОЯ ЖЕНА ПЕНЕЛОПА
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ЛАСТОЧКА ДЛЯ ДЮЙМОВОЧКИ
ЛЕДИ МАКБЕТ МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА
РАНДЕВУ ДЛЯ ТРЕХ СЕСТЕР
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ЗОВ СИРЕНЬ
ДЕТИ АФРОДИТЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКИ
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
НЕМНОГО ЛЮБВИ ДЛЯ БЕДНОЙ ЛИЗЫ

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА

роман

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.
К61 **Партия для ловеласа : роман / Вера Колочкова.** — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-699-91324-4

Вероника вышла замуж рано. Не по большой любви — по необходимости. Уж очень хотелось избавиться от мучительной опеки матери! И все десять лет супружеской жизни была заботливой женой, любящей мать и прекрасной хозяйкой. Муж Игорь души в ней не чаял. Но однажды по нелепой случайности он подслушал телефонный разговор супруги и с горечью осознал, что у нее есть любовник... В тот же день Игорь ушел. А Вероника обрела свободу. Но на душе у нее беспокойно, а в жизни начинают происходить странные и страшные события. Сумеет ли женщина отличить сиюминутную страсть от настоящего глубокого чувства?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91324-4

© Колочкова В., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ГЛАВА 1

Игорь старательно потопал ногами, стряхивая с лыжных ботинок снег, потом, с удовольствием подмигнув раскрасневшемуся от быстрой ходьбы Андрюшке, открыл дверь подъезда и пропустил мальчишку с его маленькими пластиковыми лыжами вперед, отметив про себя, каким здоровым зимним румянцем горят его упругие детские щечки. Все ж таки замечательное это дело — воскресная лыжная прогулка по прилегающему к их дому лесопарку. Да еще и на пару с шестилетним сыном. Да еще и в такой звонкий морозец. Жаль только, что Вероника не разделяет этих воскресных их утренних удовольствий: зимой — лыжи, летом — легкие пробежки с купанием в пруду... Валяется в постели да тупо переключает телевизионные каналы, перескакивая с одной развлекухи на другую, и упорно пытается доказать им с сыном, что для нее это и есть настоящий отдых. Слава

богу, хоть к их приходу с прогулки обед умудряется приготовить...

А вообще он зря на жену свою ворчит. Хорошая она у него, замечательная просто. И в свои двадцать восемь выглядит как юная комсомолка-восьмиклассница, несмотря на десятилетний уже семейный стаж. Такая худенькая, милая блондинка с совершенно наивным детским личиком, синими глазами-блюдцами да красиво очерченным пухлым бантиком губ. Просто прелесть что за женщина. Ангел, а не женщина. Вовсе не зря он так долго себе жену выбирал... До тридцати лет все никак не решался на этот шаг, как тот доктор из известного новогоднего фильма, который боялся, что жена будет мелькать у него перед глазами. Туда-сюда, туда-сюда... А как Веронику увидел первый раз, так для себя и решил — вот она, моя женщина. Пусть сколько угодно перед глазами мелькает, ему от этого только лучше будет. И женился сразу, с ходу, несмотря на приличную разницу в возрасте и долгие мамины уговоры не делать этого так поспешно и ее же испуганные предсказания о том, что разочарование его будет близким и неминуемым, что родится ребенок, потом поздно будет...

Никакого такого разочарования у него не наступило. А все было совсем наоборот — Вероника оказалась женой очень хорошей. И с

удовольствием вечерами он взглядывал на ее маленькую и аккуратненькую, мелькающую у него перед глазами твердую попку, обтянутую эластичными штанишками. И, сидя за кухонным, накрытым к ужину столом, взглядывал, как она ловко мечется между плитой, мойкой и холодильником, и после ужина, развалясь в кресле перед телевизором, с удовольствием наблюдал то там, то здесь это приятное туда-сюда мелькание...

Жили они с Вероникой хорошо, размеренно и без семейной злобной ругани. И Андрюшка рос здоровым и спокойным мальчишкой. Что еще нужно человеку для счастья? Он — глава семьи, муж, отец и добытчик, она — молоденькая, с легким, но без придури, слава богу, характером и совсем не глупой кудряво-блондинистой головкой... Благодаря этой своей неглупой головке и институт умудрилась закончить, не отходя, как говорится, от семейно-материнских обязанностей. Нет, все сходилось к тому, что с женой Игорю просто сказочно повезло. Зря мама так расстраивалась...

Все эти приятные мысли вихрем пронеслись у него в голове и тут же вылетели, оставив после себя щекочуще-теплое ощущение, как прикосновение легкой морской пены от накатившей, но не успевшей обрушиться на тебя всей тяжестью волны. Вот интересно все-таки, отчего это

приятные мысли никогда в голове не задерживаются, а занудно-неврастенические, наоборот, норвят остаться там надолго, и никакой такой волной их оттуда не вышибешь? Странно даже...

А как пахнет-то вкусно на лестничной площадке, господи! И именно со стороны их двери — жарящейся с чесноком да с лимоном в духовке курицей пахнет. Он этот плотный съестной дух уж ни с чем не спутает. Особенно в воскресный день. Особенно после долгой лыжной прогулки по звенящему зимнему лесу. Особенно в предвкушении послеобеденного футбольного матча, который будут транслировать сегодня по спортивному каналу...

— Мама! Я два раза с высокой горки скатился! Сам! — зазвенел с порога голосом-колокольчиком Андрюшка, топая на кухню, куда скрылась бегом, отворив им дверь, Вероника. — А папа только внизу стоял и смотрел! А я сам!

— Молодец, сынок! Только почему ты сюда в ботинках шлепаешь? Я, между прочим, пол мыла!

— Э! Андрюха! Ты чего это, в самом деле... — поддержал жену Игорь, стараясь придать голосу побольше отцовской строгости. — А ну, давай обратно! Мама старалась, а ты...

Быстро раздевшись, он встал под душ и с наслаждением закрыл глаза, ощущая, как по разгоряченному, выбросившему за эту прогул-

ку через пот все ненужные шлаки телу стекают жесткие водяные струи, освобождая кожные поры для дальнейшей здоровой жизни. Ух, хорошо! А плотный жарено-чесночный запах нагло проник уже и в ванную, и щекочет ноздри, и дразнит желудок, выделивший в ответ положенный ему по человеческой физиологии пищеварительный сок.

— Вероничка, ты у меня не жена! Ты у меня сорок восемь килограммов чистого золота! — развалясь в толстом махровом халате на кухонном мягком диванчике, улыбнулся Игорь в ее обтянутую зелеными лосинами попку, фигурно выпяченную от наклона корпусом вниз перед открытой дверцей духовки.

— Не смейся, а то уроню... — все-таки засмеявшись, проговорила Вероника, доставая из духовки горячий противень. Курица, золотисто зарумянившись, до сих пор гордо шкворчала на нем в собственном соку, словно представляла собой в данный момент наивысший эталон, пиковую точку их семейного воскресного счастья, обсмеянного старательно, как вдруг подумалось Игорю, Ильфом и Петровым с их литературно-классическим «Мусик, когда будет готов гусик...». Вот зря, зря они осмеяли это счастье-то. Потому что, если разобраться, ничего тут смешного и нет, а есть одно только сплошное, пусть и ограничено-физиологическое, но все-таки

удовольствие, которое как раз и является, как его ни называй, наиважнейшей составляющей этого самого семейного счастья...

— А давай-ка ее, голубушку, сюда, да побыстрее! — потер плотоядно руки Игорь. — Сейчас, сейчас мы с ней расправимся! У меня там футбол через двадцать минут начнется...

— Даладно тебе, футбол! — весело обернулась к нему Вероника. — Знаю я твой футбол! Сейчас усядешься в кресло и заснешь моментально часика примерно на два. Как раз к окончанию матча и проснешься!

— Нет, малыш, ты не права. Не засну. Слишком уж игра ответственная сегодня.

— Ну-ну, посмотрим...

Ровно через двадцать минут, уже развалившись в широком удобном кресле перед телевизором, Игорь опять ощутил в себе прилив прежнего довольства своей жизнью, такой благополучно-устроенной, такой физиологически-здоровой, такой удобной и правильной. Яркое зимнее солнце, преломляясь лучами сквозь морозное стекло и красивые ажурные портьеры, ласково-игриво заглядывало в глаза, било прямиком в верхние веки и все цеплялось за них ненавязчиво, и тянуло, тянуло вниз, уговаривая на сладкий и сытый послеобеденный сон. Из последних сил сопротивляясь этим уговорам, он пару раз встряхнул головой и попытался как-то

включиться в голос футбольного комментатора, но солнце оказалось сильнее. Навалилось, обволокло сонно-желтой одурью и все-таки унесло в расходящуюся под веками оранжевыми кругами дрему — права оказалась его жена Вероника. Умница Вероника, красавица Вероника, чистое золото Вероника...

Он и в самом деле уснул бы крепко и надолго, если б не этот телефонный звонок. Словно ножом прорезывая тончайшую грань между легкой, до сих пор сопротивляющейся коварному солнцу дремой и основательным уже сном, он прозвучал будто откуда-то издалека и долго, главное, так надрывался — абсолютно нагло и настырно. Ну не хочет он отвечать, лень ему... Отстаньте... Пусть Вероника ответит, что ли... Там же, на кухне, есть параллельная трубка...

Он все-таки заснул. Коротко, но будто провалился куда. А через пять минут, вздрогнув, проснулся вдруг, словно кто-то неведомый подошел сзади и подпихнул его кулаком в бок. И вмиг приплыла в голову непонятно откуда взявшаяся тревога, будто он должен, непременно должен был что-то такое сделать... Что же... Что же... А! Телефон только что звонил! Наверное, надо все-таки взять трубку и ответить...

Он и взял эту трубку. Потом долго еще вслушивался в незнакомый мужской голос на том конце провода и никак не мог понять, о чем

таком несусветном он бормочет так ласково ему в самое ухо и почему его жена, его Вероника, вдруг так незнакомо, так отчаянно-волнующе, на одной только вибрирующей ноте выговаривает в ответ этому голосу какие-то слова, и до не проснувшегося еще сознания все почему-то не доходило, что слова ее направлены навстречу именно ему, этому ласковому мужскому голосу. А потом наконец дошло. Только странно как-то дошло, потому что подумалось вдруг — зачем он взял в руки эту распроклятую трубку...

— Господи, да ну придумай чего-нибудь, Вероничка! У тебя что, фантазия совсем не работает? Или твой муж из этих, из суперревнивых лохушников, да? — хохотнул в трубке голос и тут же добавил почти плаксиво: — Ну Вероничка, ну солнышко... Ну, пожалуйста... Давай поедем ко мне, а? Я так соскучился...

— Стас, да хватит тебе! — так же коротко и обидно хохотнула в трубку его жена. — Соскучился он... Я, что ли, не соскучилась? Что, что я придумаю? Сегодня же воскресенье! А по воскресеньям у нас время для семейной идиллии, все идет по задуманному плану: прогулка-обед-сон...

— Ну так и тем более! И пусть себе спит после обеда! А ты будто к подружке ушла или в парикмахерскую...

— Не могу я, говорю же тебе! У нас так не принято. Давай лучше завтра...

— Да я умру до завтра! Ты что? Ты хочешь, чтоб я умер, да, Вероничка?

От Вероникиного тихого и с особым придыханием смеха будто пружина оборвалась в груди и очень больно, с силой ударила в голову. Еще плотнее прижав трубку к уху, Игорь продолжал слушать этот разговор и — странное дело — не испытывал ничего, кроме этой вот только боли, похожей скорее на горькую и незаслуженную детскую обиду. Идиллия по плану, значит... Прогулка-обед-сон... А что в этом плохого-то, в идиллии в этой? Ну, не нравится, так давно бы сказала...

— Нет, Стасик, не умирай. Чего ты, в самом деле. До завтра терпи. Завтра и увидимся, я у шефа отпрошусь пораньше. Ага?

— А хоть на полчаса ты можешь сейчас выйти, Вероника? Я, между прочим, за углом твоего дома стою. Мне даже из машины окошко твое видно.

— Нет, Стасик, не могу.

— Тогда хоть к окну подойди, я на тебя посмотрю...

Все. Дальше выносить этой обиды Игорь уже не мог. Положив трубку рядом с аппаратом, тяжело выбрался из кресла, тихо прошел на кухню. Вероника летуче обернулась к нему от кухонного

окна да так и застыла с прижатой к уху трубкой, даже улыбку забыла с лица убрать, и она замерла-задержалась на нем несуразно и глупо, как нарисованная. Или приклеенная. Или пристывшая намертво. Потом, опомнившись, она медленно вытащила серебристую трубку из-под копны белокурых волос, нажала на кнопку отбоя и принялась так же несуразно и глупо постукивать ею по этой застывшей улыбке, виновато и вопрошающе глядя на мужа.

— В таких случаях, когда муж дома, наверное, на мобильник звонить полагается? Или как? Что же он у тебя такой неосторожный, Стасик твой...

— А у меня на мобильнике деньги кончились. Вчера забыла внести, — совсем уж как-то обыденно и тихо-равнодушно произнесла Вероника, продолжая постукивать себя трубкой по губам.

— Ну что ж, жаль, что кончились. Теперь вот разводиться придется... — таким же обыденным и равнодушным тоном проговорил и Игорь, поднимая голову к антресолям и уже нацеливаясь озабоченным взглядом на ручку заброшенного туда большого чемодана. Потом протянул руку и, ухватившись за эту ручку, стал с силой тащить чемодан на себя, старательно уворачиваясь от падающих сверху старых журналов. А Вероника так и стояла у окна, скрестив ноги и чуть присев маленькой и плотной, обтянутой зелеными короткими штанишками попкой на низкий

подоконник, и все постукивала себя трубкой по красивым, пухлым, застывшим в дурацкой улыбке губам...

Потом Игорь долго, очень долго собирал свои вещи. Руки не поднимались вытаскивать из шкафа наглаженные рубашки, аккуратно уложенные свитера и пропахшие дорогим парфюмом пиджаки. Нелепо и обидно это было — собираться и уходить отсюда. От этого радостного воскресного солнца, от налаженной и благополучной во всех отношениях семейной жизни, от чесночно-жареного куриного запаха, от приятного мелькания зеленой твердой попки перед глазами... Вот не хотелось уходить, и все. Но и оставаться после всего случившегося тоже было нельзя. Ну никак нельзя. Хочет он, не хочет, а уходить все ж придется. Вот если б Вероника заплакала хотя бы или кинулась к нему с объяснениями-извинениями... Хотя нет, все равно он бы не остался. Тем более что и с извинениями она не кинулась, а так и стоит, наверное, на кухне у окна, так и стучит телефонной трубкой себе по губам... Вот же дурацкая ситуация — совсем не хочется уходить! И с чего это ей вдруг вздумалось впасть в этот пошлейший адюльтер? Никогда бы не подумал, что она вообще на такое способна. Прямо откровение какое-то, на голову с неба упавшее. Или из телефонной трубки коварно выползшее. Вот это откровение теперь